

на» на базе уже существующих элективных циклов «Рефлексотерапия». Углубленное знакомство студентов с методами традиционной западной и восточной медицины, а также обучение их навыкам творческого подхода к диагностике и лечению на основе преемственности ранее накопленных знаний, несомненно, будет способствовать развитию клинического мышления и формированию более ответственного отношения к врачебной профессии.

Ведь само Болонское соглашение задает лишь рамочные стандарты преобразований и открыто для инноваций и совершенствования, направленных на более качественную подготовку специалистов. Оно лишь открывает путь к структурным преобразованиям в медицинском образовании и дает старт Болонскому процессу, а наше место в этом процессе мы определяем сами — это или путь «слепого» копирования уже кем-то наработанных знаний и навыков, или полноценное уча-

стие в качестве равноправного партнера, выступающего с предложениями на основе собственного опыта и наработок.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Чжу Лянь*. Руководство по современной чжень-цзю-терапии. — М.: Гос. изд-во мед. литературы, 1959. — 274 с.
2. *Ли Сы Чунь*. Нефритовый дракон (двадцать семь классических трактатов по иглотерапии и прижиганию). — М.: Аст-Пресс, 1998. — 240 с.
3. *Лакуста В. Н., Ионеску-Тырговьце К.* Традиционные основы акупунктуры. — Кишинев: Мага, 1995. — 560 с.
4. *Лакуста В. Н., Ли Чжи Шэн.* Чжень-дзю-терапия. — Кишинев: Мага, 1995. — 253 с.
5. *Самосюк И. З., Лысенюк В. П.* Акупунктура: Энциклопедия. — К.: Укр. энциклопедия им. М. П. Бажана; М.: Аст-Пресс, 1994. — 541 с.
6. *Нетрадиционные методы диагностики и терапии* / И. З. Самосюк, В. П. Лысенюк, Ю. П. Лиманский и др. — К.: Здоров'я, 1991. — 417 с.

УДК 1(091):123,,15/19”

В. Б. Ханжи, канд. филос. наук

ПРОБЛЕМА СВОБОДЫ В ФИЛОСОФИИ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ: НИЦШЕ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛИСТЫ

Одесский государственный медицинский университет, Одесса, Украина

УДК 1(091):123,,15/19”

В. Б. Ханжи

ПРОБЛЕМА СВОБОДЫ У ФІЛОСОФІЇ НОВІТНЬОГО ЧАСУ: НІЦШЕ І ЕКЗИСТЕНЦІАЛІСТИ

Одеський державний медичний університет, Одеса, Україна

Стаття присвячена осмисленню проблеми свободи у філософії Новітнього часу. Проаналізовано вчення Ф. Ніцше і представників екзистенціалізму (А. Камю, М. Бердяєва). Автор наголошує на тому, що саме у філософії цього періоду з'являється тенденція абсолютизації свободи людини. Показано взаємозв'язок понять «свобода» і «самореалізація», «творчість», «бунт».

Ключові слова: свобода, необхідність, самореалізація, творчість, бунт.

UDC 1(091):123,,15/19”

V. B. Khanzhy

THE PROBLEM OF FREEDOM IN PHILOSOPHY OF THE NEWEST DAYS: NIETZSCHE AND EXISTENTIALISTS

The Odessa State Medical University, Odessa, Ukraine

This article is devoted to thinking about the problem of freedom in philosophy of the Newest days. Doctrines of F. Nietzsche and representatives of existentialism (A. Camus, N. Berdyaev) have been analyzed. The author underlines that a tendency to absolution of human freedom appears just in philosophy of this period. The correlation between the conception of “freedom” and “selfrealization”, “creativity”, “riot” have been shown.

Key words: freedom, necessity, selfrealization, creativity, riot.

Введение

В Новейшее время (II пол. XIX–XX вв.) свобода человека, помимо традиционного осмысления (как политическая независимость, как следствие прогресса), получила и качественно новую артикуляцию: как стремление к самореализации,

а также актуализация этого стремления. Этот период, особенно XX век, привнес в бытие человека многомерность социального, культурного, экономического, политического плана, и в связи с этим ряд философов выдвигает понимание свободы как способности активной деятельности личности в условиях этой многомерности (иног-

да даже вопреки ее устоям) в соответствии со своими ориентирами, следствием чего нередко становится возвышение человека над многообразным бытием, его контроль и преобразование. Главный двигатель и регулятор деятельности — собственная воля.

Отдельного внимания заслуживает видение свободы как независимости от прогресса, вернее, его нежелательных последствий. Этот период характеризуется стабильным ростом материально-технической оснащенности жизни человека. Научно-экономическое развитие обусловило небывалую обеспеченность человеческого общества материальными благами, заметно расширив границы его свободы. С другой стороны, некоторые негативные качества человека на основании этого фактора породили значительное число отрицательных реалий современности. Двадцатый век — период, явивший миру ядерную, химическую, бактериологическую угрозу, экологические катастрофы. По меткому замечанию экзистенциалистов, свобода человека способна достигать абсурда. Человек сознает абсурдность происходящего, но зачастую максима его недовольства псевдосвободой выражается лишь в бунте — слишком велик авторитет «противника».

Новый импульс получила в последнее столетие «вечная» трактовка темы свободы — в политическом аспекте. Две мировые войны, межнациональные (в том числе, на религиозной почве) конфликты, воцарение и крушение тоталитарных режимов — эти глобальные проблемы неизменно вызывают отклик философов. Осмысление свободы человека нередко становилось откликом-протестом против попыток тоталитарных систем присвоить себе право девальвировать человеческую личность, лишать ее свободы и жизни. Эти попытки как проявления неограниченной власти шли вразрез с правом человека на свободу самоопределения.

Тема свободы настолько широка и многогранна, что практически каждый мыслитель в своих трудах обращается к ней. И все же рамки статьи позволяют осветить лишь некоторые учения. Здесь будут представлены взгляды на проблему свободы философов Новейшего времени Ф. Ницше и экзистенциалистов А. Камю и Н. Бердяева. Творчество этих авторов уникально, оно даже спустя десятилетия неизменно будоражит и привлекает философствующие умы (выделим работы П. П. Гайденко, М. А. Кисселя, К. М. Долгова, К. А. Свасьяна и др.). Однако следует отметить, что в периодической философской литературе последних лет недостаточно внимания уделено учениям мыслителей. В ряде работ современных исследователей, посвященных этой проблематике, несмотря на фундаментальность категории свободы в учениях философов, эта сторона вопроса остается несколько в тени. Таким образом, **целью** данной статьи явля-

ется осмысление и философское обобщение видения проблемы свободы философами Новейшего времени Ницше, Камю и Бердяевым.

Вторая половина XIX века ознаменовалась таким контрастным, неординарным явлением, как учение немецкого философа Фридриха Ницше. Взгляды Ницше были и остаются настолько революционными, что изначально разделили читателей на несколько лагерей: одни восхищались его произведениями, предвещая им популярность на столетия вперед, другие видели в них бред душевнобольного человека, третьи — человеконенавистнические черты, годные для фашистской идеологии. Сам автор считал себя диктующим ценности на тысячелетия вперед.

Тема свободы, воли в трудах Ницше — одна из основных. Она находит свое отражение практически во всех произведениях мыслителя («Так говорил Заратустра», «По ту сторону добра и зла», «Человеческое, слишком человеческое»). Философ вводит понятие сверхчеловека. Кто это? Устами Заратустры автор вещает: «Что такое обезьяна в отношении человека? Посмешище или мучительный позор. И тем же должен быть человек для сверхчеловека: посмешищем или мучительным позором... Сверхчеловек — смысл земли» [1, с. 8]. Только «сверхчеловек» — этот собирательный образ лучших «экземпляров» человеческой цивилизации — может быть истинно свободным, только он способен быть двигателем прогресса. Ницше выдвигает четкий критерий, определяющий качество и ценность личностной свободы. По его мнению, свободным является не тот, кто сбросил с себя чье-то господство, а тот, кто использует свою свободу ради достижения *самовольно* поставленной перед собой цели: «Свободным называешь ты себя? Твою господствующую мысль хочу я слышать, а не то, что ты сбросил ярмо с себя... Свободный от чего? Какое дело до этого Заратустре! Но твой ясный взор должен поведать мне: свободный для чего? Можешь ли ты дать себе свое добро и свое зло и навесить на себя свою волю, как закон? Можешь ли ты быть сам своим судьей и мстителем своего закона?» [1, с. 45]. Такую свободу называют «*позитивной*» — свободой «*для чего-то*», свободой *поступать* в соответствии со своей волей. Ее противоположность — свобода «*негативная*» — свобода «*от чего-то*», свобода *делать* в рамках дозволенного, зачастую поступаясь своими идеалами.

«Сверхчеловек» свободен духом и сердцем, в физическом смысле для него также нет преград. Массы нужны лишь как почва для лучших, трибуна для оратора. «Единственной целью, — пишет немецкий философ, — еще очень на много лет должно быть умаление человека, так как сначала надо построить широкое основание, на котором бы могло возвыситься сильное человечество. Активная сила дает возможность надеять-

ся на пришествие более сильной расы, которая в изобилии будет обладать теми самыми качествами, которых именно не хватает настоящему человечеству (воля, уверенность в себе, ответственность, способность поставить себе прямую цель)» [2; с. 252]. Не слишком ли радикален здесь Ницше, не эти ли слова использовали спустя несколько десятилетий фашистские идеологи в своей теории «высшей арийской расы», реализация которой на практике дала столь катастрофические, чудовищные плоды? Сказанное зачастую искажается критикой, запах (а очень часто вонь) приправы толкования затмевает собой сущность, истинно мыслимое. Ницше — мизантроп, или он призывает человечество возвыситься до небывалых досель высот и при этом констатирует, что не все смогут дерзнуть на это? Он ненавидит человека или низменные человеческие качества? Согласитесь, переход от формулировки квинтэссенции учения философа «втоптать человечество в грязь» к «призвать человечество к возвышению, открыв ему глаза на его пороки» в корне меняет наше «человеческое, слишком человеческое» отношение как к философии Ницше, так и к нему самому.

Характерным качеством людей является воля к власти, она присуща всему живому. Любой служащий стремится стать господином, любой господин охвачен волей к еще большей власти. Чем бы эта особенность человеческой психики ни прикрывалась, будь то стремлением помочь или состраданием, она все равно остается волей к власти, главным человеческим приоритетом. Наиболее сильно это качество выражено в «лучших» представителях рода человеческого. Воля к власти — неистощимая сила, сопутствующая жизни. Ницше выдвигает предположение, что весь мир, рассматриваемый изнутри, все процессы и явления этого мира есть та самая «воля к власти» и ничто, кроме этого.

Немецкий мыслитель одной из своих целей ставит развенчание идеалов христианской морали. Чем же не устраивают Ницше фактически общечеловеческие ценности? Он приходит к глубоко скептической оценке христианских заповедей, разочаровавшись в реальном соблюдении их на практике. Люди в большинстве своем поступают далеко не по принципам милосердия и блага, они лишь прикрываются своей набожностью. С другой стороны, считает он, христианская мораль — это средство самосохранения, ведь в период своего формирования христианство постоянно подвергалось гонениям со стороны властей Древнего Рима, а принципы сострадания, защиты слабых, «подставь другую щеку» позволяли в какой-то мере приспособляться к жизни в критических условиях. Христианство, по мнению Фридриха Ницше, препятствует наивысшей внутренней потребности человека — воле к власти. Тем самым тормозится процесс естественного

отбора, в обществе оказывается слишком много слабых и беспомощных, в результате чего оно деградирует. Томас Манн пишет по этому поводу: «...в течение двух тысячелетий оно (христианство) только и делало, что подавляло грандиозную энергию и дух величия, которые призваны... создать человека будущего...» [3, с. 374]. Похоже, что в модели ницшеанского мира каждый, стремящийся оторваться от низменного, «человеческого», преодолеть его в себе, должен изначально отстоять наивеличайшую, фундаментальную свободу — свободу жить.

Сверхчеловек должен постоянно доказывать свою «профпригодность», т. е. предназначение к независимости и господствованию. Ницше выдвигает следующий ряд необходимых доказательств-императивов: 1) не уклоняться от самоиспытаний; 2) не привязываться даже к самой любимой личности, ведь «каждая личность есть тюрьма, а также угол» [1; с. 273]; 3) не привязываться к отечеству; 4) исключить сострадание; 5) отстраниться от науки, даже если она поставляет «сверхчеловеку» ценнейшие находки; 6) не привязываться к освобождению собственной индивидуальности, т. е. не заикливаться на этом, тем самым уже урезая свою свободу; 7) исключить стремление к собственным добродетелям, не становиться жертвой того или иного качества. Философ обобщает вышеперечисленные требования единой целью: «Нужно уметь сохранять себя — сильнейшее испытание независимости» [1; с. 273]. Исходя из характера подобных наставлений, можно сделать вывод, что «человек будущего» не будет способен не только к состраданию, у него рудиментируются такие высокие чувства, как любовь к Родине, к самым близким, стремление нести людям благо. В широком сознании «супергерой» обычно наделен подобными качествами (вспомним Илью Муромца, Геракла, Одиссея и т. д.). Ницшеанский «сверхчеловек» пытается разрушить эти представления, утвердить «новые скрижали».

Весьма негативно отношение немецкого философа к государству как притеснителю всяческой свободы, воздвигающему барьеры на пути эволюции мышления от «стадного» к «сверхчеловеческому». Фридрих Ницше называет государство самым холодным из всех холодных чудовищ: «Холодно лжет оно; и это ложь ползет из уст его: “Я, государство, емь народ”... Где еще существует народ, не понимает он государства и ненавидит его... государство лжет на всех языках о добре и зле: и что оно говорит, оно лжет — и что есть у него, оно украло» [1; с. 35]. В этом трудно не согласиться с Ницше, ведь опыт XX века не раз подтвердил его слова. Того, кто смог уйти от парализующего влияния государства, Ницше сравнивает со львом: «Быть голодным, сильным, одиноким и безбожным — так хочет воля льва. Быть свободным от счастья рабов,

избавленных от богов и поклонения им, страшным и наводящим страх, великим и одиноким, — такова воля правдивого. В пустыне жили истинно правдивые, свободные умы...» [1; с. 74].

Поразительно меняется отношение философа к государству при описании того момента развития, когда «сильные» уже обособились, т. е. произошло разделение людей на две касты: касту «черни» и касту свободных — появляется фундамент и условие развития культуры: «Более высокая культура может возникнуть лишь там, где существует две различные общественные касты: каста работающих и каста праздных, способных к истинному досугу; или, выражаясь сильнее: каста принудительного труда и каста свободного труда» [4; с. 431]. Следует заметить, что основание деления на свободных и рабов у Ницше изначально этическое — раб, в отличие от господина, одержим желанием мщения, угнетен этим аффектом. Рабство этического характера ведет к рабству политическому.

Идеи Фридриха Ницше, по его собственному признанию, достаточно «взрывоопасны», но еще больше «тротила» учению придает трактовка, которая изначально ставит своей целью использование его в качестве материала для осуществления мизантропических стремлений, и, что печальнее всего, такая трактовка была осуществлена. Долгое время немецкого философа считали идейным вдохновителем фашистских фанатиков (на Западе — до середины 50-х годов XX века, когда было выпущено сенсационное издание трудов Ницше, сделанное Карлом Шлехтой, в бывшем СССР — вплоть до начала 90-х годов прошлого века). Это объяснялось, во-первых, тем фактом, что «теоретики» нацизма действительно стремились интерпретировать его взгляды в своих целях. Во-вторых, в советское время, оценивая философию Ницше, в основном, опирались на произведение «Воля к власти». Благодаря изданию Шлехты было доказано, что «Воля к власти» — фальсифицированное произведение, полученное путем «мастерской» компоновки различных фрагментов текстов Ницше. Подлог был осуществлен после смерти самого автора при непосредственном контроле сестры философа Элизабет Ферстер-Ницше, на антисемитские взгляды которой (как и ее мужа) указывал и сам Фридрих Ницше. О беспочвенности трактования его идей как базиса для фашистских пишет К. А. Свасьян в статье, сопутствующей изданию трудов немецкого мыслителя [4; с. 34-46]. Критик приводит красноречивые цитаты, исключая приверженность Ницше к пангерманизму, антисемитизму, славянофобии (трем основополагающим принципам национал-фашизма). Наоборот, опальный философ неоднократно клеймил немецкую ментальность, восхвалял евреев и русских, призывал к сближению с Россией, неоднократно намекал, в противовес немцам, о своем

польском происхождении. Это нам известно сегодня, а шесть десятилетий назад на Нюрнбергском процессе всерьез поднимали вопрос о том, чтобы Ницше значился среди подсудимых (пусть мыслителя давно уж не было в живых — посмертно!).

Как-то Фридрих Ницше написал: «...не далек тот день, когда я буду должен подвергнуть человечество испытанию более тяжкому, чем все те, каким оно подвергалось когда-либо...» [1; с. 694]. Категоричное ницшеанское «Свободный для чего? Можешь ли ты?» (чрезвычайно созвучное «Тварь ли я дрожащая или право имею?») Достоевского) и есть то самое испытание, постоянно преследующее читателя. С каждым новым погружением в мировидение Ницше осознаешь исключительную прозорливость философа относительно событий XX века, тонкость его этико-психологических размышлений, способность заставить человечество снять розовые очки, маскирующие действительность.

Ницшеанские идеи повлияли на многие более поздние учения, направления, среди которых и экзистенциализм. Это направление получило свое название от латинского слова *existentia*, что в переводе означает «существование». Существование всегда персонально, персональность же, в свою очередь, — есть основа, база для развития свободы, личностной свободы. Поэтому в философии существования свобода является одним из глубинных, основополагающих вопросов, требующих раскрытия.

Экзистенциализм получил необычайную популярность в XX веке, его идеи подхватили многие философы и писатели. Альбер Камю, как и другие экзистенциалисты, строит свои представления о свободе человека на основании анализа современной социальной жизни индивидуума. Человек оказывается лишенным даже малейшей возможности свободы, он задавлен экономическими проблемами, его политические приоритеты рассматриваются сквозь призму государственной идеологии, нравственное и эстетическое в современном Камю обществе уходит на второй план. Человек — ничтожный винтик в гигантском механизме государственной системы. Тех же, кто смеет это осознать и этому воспротивиться, ждут «меры воздействия», тщательно разработанные системой: от общественного порицания до многолетнего пребывания в заключении.

Но человек не всегда способен мириться с таким положением вещей. Он начинает бунтовать. Тема бунтующего человека проходит через все творчество Камю. Он бунтует, чтобы получить возможность самореализации, и сам бунт — творчество, излитие творческих сил, недодушенных государством-монстром и проснувшихся, чтобы восстать против существующего мира, его изъянов и пороков, — только так он сможет стать свободным и сделать мир прекраснее. Аль-

бер Камю видит корни бунта в решительном протесте против вмешательства, в осознании бунтарем своей доброй воли, своей правоты. Человек, ставший на этот путь, осознавший необходимость свободы, готов на все для достижения желаемого. «Идя до конца, — пишет философ, — восставший готов к последнему бесправию, каковым является смерть, если будет лишен того единственного священного дара, каким, например, может стать для него свобода. Лучше умереть стоя, чем жить на коленях» [5; с. 128].

Вплотную с понятиями «свобода», «бунт» в творчестве французского мыслителя проходит понятие «абсурд». Абсурд — это разлад, возникающий при столкновении «...наличного положения вещей с определенным рода действительностью, действия — с превосходящим его миром» [6; с. 48]. Чувство абсурда появляется у бунтующего человека и постоянно сопровождает его, он осознает абсурдность жизни и готов делать то, что даст возможность прожить ее как можно достойнее. Осознание *абсурда* порождает *бунт*, который, в свою очередь, есть ступень к *свободе*.

Камю считает, что человеку может быть доступен лишь опыт его собственной свободы, да и то лишь в некоторых соображениях; всеобщих понятий человеческой свободы конкретный индивид иметь не может. Философ отрицает свободу как нечто, дарованное Богом. Человек планирует очередной день, имеет предпочтения — все это проявления свободы, свободы мысли и действия. Однако высшей, т. е. в полном смысле этого слова, свободы, *свободы быть*, утверждает философ, не существует, ведь ни у кого нет уверенности в вечной жизни.

Альбер Камю видит в художниках, людях искусства носителей свободы. Подлинный художник, по его мнению, служит красоте, истине, справедливости и свободе. Красота, осознанная людьми, находящимися в рабстве, облегчала их страдания, иногда даже приносила полное освобождение. «...Две миссии... составляют величие его (художника) ремесла: служить правде и служить свободе... Каковы бы ни были наши личные слабости, благородство нашего ремесла всегда коренится в двух принимаемых на себя обязательствах, следовать которым нелегко: не лгать о том, что знаешь, и бороться с угнетением», — сказал Камю в речи по поводу присуждения ему Нобелевской премии [6; с. 174]. Искусство, считал он, должно служить не элите и даже не народу, а истине и свободе. Резко выступает французский философ против художников, смысл творчества которых — собственный душевный комфорт, он называет их безответственными. «Такая свобода искусства недорого стоит», — делает вывод писатель.

Мыслитель российского происхождения Николай Александрович Бердяев в основание фило-

софии ставит, по собственному признанию, не бытие, а свободу. Он объясняет это тем, что Бог перед началом Сотворения Мира захотел свободы, и Мир стал прямым следствием реализации этой свободы. «У меня есть основное убеждение, что Бог присутствует лишь в свободе и действует лишь через свободу», — пишет философ [7; с. 56].

Бердяев замечает, что понятие свободы виделось разными людьми в различных аспектах, в чем и коренилась причина недоразумений. Свобода зачастую отождествлялась со свободой воли, свободой выбора. Для него свобода означает нечто совершенно другое: «Свобода есть моя независимость и определяемость моей личности изнутри, и свобода есть моя творческая сила, не выбор между поставленным передо мной добром и злом, а мое созидание добра и зла» [7; с. 61]. Он критикует признание свободой возможности выбора. Дело в том, что состояние выбора само по себе нередко угнетает человека, а это уже чистейшее проявление несвободы. Свобода обнаруживается уже после сделанного выбора, когда человек начинает творить. Этим Бердяев подчеркивает действенный, динамический характер свободы.

По мнению философа, творческий процесс и свобода едины: «Лишь свободный творит. Из необходимости рождается лишь эволюция; творчество рождается из свободы» [8; с. 368]. Творчество, по Бердяеву, основывается на безграничной, абсолютной свободе. Не нужно пытаться рационализировать творчество — из этого исходит рационализация свободы, а детерминация разумом закрепощает свободу границами, тем самым урезая ее бездонную, бесконечную глубину. «Свобода — безосновная основа бытия, и она глубже всякого бытия. Нельзя дойти до рационального осязаемого дна свободы. Свобода — колодезь бездонно глубокий, дно его — последняя тайна», — пишет Бердяев [8; с. 369].

Однако, замечает философ, наряду с *положительной* формой свободы, *творчеством*, существует и ее *отрицательная* форма, именуемая *произволом*, ее корни — в грехопадении. Такая свобода лишена цели и содержания, она формальна и пуста, она далека от Бога и тем самым обессилена. Свобода как произвол становится необходимостью. При анализе произведений философа ощущается презрительное отношение Бердяева к необходимости как к чему-то несовместимому с сущностью человека и мира: «Необходимость есть падшая свобода, свобода вражды и распада, свобода хаоса и анархии» [8; с. 374]. Он противопоставляет хаосу мирового пространства космическое состояние Вселенной, состояние иерархической гармонии — оно олицетворяет собой свободу.

Бердяев пишет, что в результате грехопадения людей мертва и мир. Однако здесь есть выход.

Восхождение падшего человека оказывается возможным благодаря явлению Абсолютного Человека. «Искупитель и Спаситель мира расколдовывает и расковывает необходимость. Он — Освободитель. Без Христа-Освободителя мир на веки веков остался бы заколдованным в необходимости и детерминизм навеки был бы прав», — находим у философа [8; с. 375]. Христос-Освободитель является, таким образом, абсолютным источником свободы, ее обязательным условием.

Мыслитель отмечает, что любое общество, любая масса всегда оппозиционны личности. Ни в каком из существующих строев личность не может насладиться своей свободой сполна: ни в обществах, где господствуют старые режимы, ни у коммунистов, ни, тем более, в античеловечном обществе фашистов. Бердяев считает, что государство имеет право несколько ограничить свободу личности, и это приводит к взаимной выгоде. В основе отношений «государство—личность» должны лежать, с одной стороны, любовь, с другой — принуждение и право.

Тема свободы является у мыслителя доминирующей, потому небезосновательно самого Бердяева называют философом свободы.

Выводы

Философия Новейшего времени являет нам примеры абсолютизации свободы человека (Ф. Ницше, Н. Бердяев). В философии предшествующих периодов по разным причинам (фундаментальность категории судьбы, идеи Божественной Предопределенности) такое видение проблемы было невозможно. Если Ницше, абсолютизируя свободу человека (вернее, «сверхчеловека»), призывает род людской отказаться от идеи Бога и на основании такого нигилизма дать себе (и только себе) в распоряжение собственную волю, то Бердяев, наоборот, видит Христа-Освободителя абсолютным источником свободы, по его мнению, свобода в отдалении от Бога, в греховности превращается в произвол.

Философы Новейшего времени выдвигают ряд понятий, мыслимых в тесной корреляции с понятием свободы. Это то, в чем или посредством чего актуализируется свобода, это — индикаторы свободы, способности самореализации

ее носителя. Для Ницше реализовать свой потенциал означает преодолеть в себе все низменное («человеческое»), возвыситься в своем величии над всем сущим. Свободен не тот, кто сбросил с себя чье-то господство, а тот, кто использует свободу ради достижения цели в соответствии со своей волей. А. Камю видит реализацию свободы в бунте. Бунтующий человек восстает против изъянов и пороков существующего мира, против его абсурдности. Осознание абсурда приводит к бунту, а бунт — к свободе. Согласно Бердяеву, со свободой органично связано творчество. Он противится рационализации творчества, ибо в таком случае ущемляется свобода, а это само по себе противоречиво.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ницше Ф.* Сочинения: В 2 т.: Пер. с нем. / Сост., ред. и автор примеч. К. А. Свасьян. — М.: Мысль, 1996. — Т. 2. — 829 с.
2. *Галеви Д.* Жизнь Фридриха Ницше: Пер. с фр. / Под ред. и с предисл. В. Н. Сперанского. — Рига: Спридитис, 1991. — 271 с.
3. *Мани Т.* Собр. сочинений: В 10 т.: Пер. с нем. / Под ред. Н. Н. Вильмонта, Б. Л. Сучкова; Примеч. Р. Миллер-Будницкой. — М.: Гослитиздат, 1961. — Т. 10. Статьи 1929–1955. — 696 с.
4. *Ницше Ф.* Сочинения: В 2 т.: Пер. с нем. / Сост., ред. и автор примеч. К. А. Свасьян. — М.: Мысль, 1996. — Т. 1. — 829 с.
5. *Камю А.* Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство: Пер. с фр. — М.: Политиздат, 1990. — 415 с.
6. *Камю А.* Творчество и свобода: Сборник: Пер. с фр. / Сост. и предисл. К. Долгова, коммент. С. Зенкина. — М.: Радуга, 1990. — 608 с.
7. *Бердяев Н. А.* Самопознание: Опыт философской автобиографии / Сост., предисл., подгот. текстов, коммент. А. В. Вадимова. — М.: Книга, 1991. — 446 с.
8. *Бердяев Н. А.* Философия свободы. Смысл творчества / Вступ. статья, сост., подгот. текста, примеч. А. В. Полякова. — М.: Правда, 1989. — 607 с.
9. *Бердяев Н. А.* Философия неравенства / Сост., предисл. и примеч. А. В. Полякова. — М.: ИМА-пресс, 1990. — 288 с.
10. *Долгов К. М.* От Киркегора до Камю: Очерки европейской философско-эстетической мысли XX века. — М.: Искусство, 1990. — 309 с.
11. *Мионов В. Н.* Философия истории Фридриха Ницше // *Вопр. философии.* — 2005. — № 11. — С. 163-175.